

ницы этой работы Тредиаковского, где он приводит примеры греческих сапфических строф и латинских горацианских. Куник пишет, что было бы желательно иметь неизвестные письма Ломоносова или получить по крайней мере их точную копию. Вероятно, тем самым, говорит он, мы осветили бы новую сторону литературных отношений Ломоносова к Тредиаковскому и Сумарокову.

По нашему мнению, более правдоподобно другое предположение: Ломоносов интересовался мнением Цяпинского о новом латинском стихосложении в связи со своими «Наставлениями», которые он давал по стихотворству студентам академического университета и своему ученику Н. Поповскому, переводившему, как известно, «Искусство поэзии Горация Флакка», вышедшее в свет в 1753 г.¹⁹

Правдоподобно и то, что Ломоносов мог обратиться к Цяпинскому как к известному виленскому проповеднику, который славился своим красноречием, в связи со своим намерением привести примеры ораторской речи из современных ему риторов в задуманной им второй части «Риторики», называемой «Ораторией».²⁰

Наконец, Ломоносов, придававший особо серьезное значение своей просветительской деятельности и стремившийся к демократизации академической школы, мог заинтересоваться пиарскими школами, предназначенными для детей и юношества из неимущих слоев населения, о которых много писал Цяпинский.

Вместе с тем нам кажется необоснованным утверждение С. Янушониса в статье «*Rusijos istorijos mokslo pagrindėjas*»,²¹ связывающего переписку Ломоносова с Цяпинским с работой русского ученого над «Древней русской историей».

¹⁹ См.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 10. М.—Л., 1957, с. 388—400.

²⁰ Там же, с. 390.

²¹ См. в кн.: М. Lomonosovas. Vilnius, 1961, s. 80.